

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.05

Правильная ссылка на статью:

Беликова Е. О. Поиски стратегии социологического изучения религиозной идентичности // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 116—127. DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.05.

For citation:

Belikova E. O. Searching for a sociological strategy to study religious identity. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018. № 2. P. 116—127. DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.05.

Е. О. Беликова ПОИСКИ СТРАТЕГИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

ПОИСКИ СТРАТЕГИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

SEARCHING FOR A SOCIOLOGICAL STRATEGY TO STUDY RELIGIOUS IDENTITY

БЕЛИКОВА Екатерина Олеговна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия.

*E-MAIL: eo_belikova@volsu.ru
ORCID: 0000-0002-8686-1770*

Ekaterina O. BELIKOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Assistant Professor

*E-MAIL: eo_belikova@volsu.ru
ORCID: 0000-0002-8686-1770*

¹ Volgograd State University, Volgograd, Russia

Аннотация. Анализируются количественная и качественная стратегии изучения религиозной идентичности (на примере Волгоградской области). Они апробированы автором в собственных социологических исследованиях, проводимых 2005—2017 гг. Автор описывает специфику количе-

Abstract. The author provides an analysis of quantitative and qualitative strategies to study religious identity (based on a Volgograd oblast' case study). These field-proven strategies were used by the author in her sociological studies in 2005—2017. To describe the specifics of the quantitative surveys in religious

ственных опросов в изучении феномена религиозной идентичности с использованием общепринятой многомерной модели измерений религиозной принадлежности. Во второй части статьи представлены результаты биографического лейтмотивного интервью. Включение качественных методов при изучении этого феномена позволяет выявить в том числе и компоненты религиозной идентичности. Однако и та и другая методология не являются универсальными; автор выявляет и объясняет наиболее сложные аспекты их использования, с которыми приходится работать в исследовании. Использование данного метода для изучения религиозной идентификации супругов в смешанных браках показал ряд преимуществ — например, он помогает проследить механизм смены религии одного из супругов, выявить причинно-следственную связь в изменении взаимоотношений между супругами и их родственниками, друзьями после заключения брака с «иноверцем». С другой стороны, этот метод вызывает и целый ряд трудностей на всех этапах — от подготовительных шагов до интерпретации данных и представления их в отчетном документе.

Ключевые слова: религиозность, религиозная идентификация, биографический метод, прикладное исследование

identity studies, the author applies a well-established multidimensional model measuring religious affiliation. The second part of the article provides the results of the biographical interview. Qualitative methods help to define the components of religious identity. However neither methodology is universal; the author gives an attempt to explain the most difficult aspects the researchers face using these techniques. The methodology can be helpful in studying the religious affiliation of spouses in a mixed marriage as it can explain the mechanism of the shift in religious beliefs of a spouse and to establish the cause and effect relationship after the relationships between the spouses and their relatives and friends altered due to marriage. At the same time, the given methodology has certain difficulties at all stages from the preparatory work to the interpretation and the description of the results in the final paper.

Keywords: religiosity, religious identity, biographical method, applied study

Опыт изучения «религиозности» количественными методами

В социологии религии прочно укрепилась методологическая парадигма, согласно которой «религиозная принадлежность» выступает одним из критериев оценки религиозности. Однако полевые эмпирические исследования религиозности показывают, что критерий этот весьма проблематичен в использовании.

Универсальной методологии изучения религиозности в социологии религии до сих пор нет, как нет и единого определения этого понятия. Перед любым со-

циологом, стремящимся к полевому исследованию религиозности, встает ряд методологических проблем: выбор стратегии изучения и рамочной теории, в контексте которой планируется в дальнейшем анализ результатов, методов сбора информации (количественные, качественные), методов и протоколов анализа интервью.

В настоящей статье я ставила перед собой цель эксплицировать собственный исследовательский опыт изучения религиозной идентификации и самоидентификации на региональном уровне. Мне представляется перспективным вынести на профессиональное обсуждение те методологические трудности, которые при детальном знакомстве обнаруживаются в полевых исследованиях. Полагаю, что такая дискуссия могла бы поспособствовать выработке и обновлению методологии изучения религиозной идентификации как критерия религиозности.

Речь в статье пойдет о двух исследованиях — качественном и количественном — проведенных на территории Волгоградской области в период с 2005 г. по 2017 г. На сегодняшний день Волгоградская область как субъект РФ (административный центр — Волгоград) входит в состав Южного федерального округа. Если посмотреть на общую протяженность границ области, то мы обнаружим среди ближайших соседей православные регионы (Саратовская, Ростовская и Воронежская области), исламские (Астраханская область, Казахстан) и буддийский (Республика Калмыкия). Наряду с этим необходимо учитывать и возможные межнациональные контакты с такими соседями дальнего зарубежья, как Иран, Ирак, Индия.

Волгоградская область значительна по территории и численности населения (в начале 2017 г. численность постоянного населения Волгоградской области составляла 2521 276 человек)¹, характеризуется социально-экономической неоднородностью, этническим, религиозным и социокультурным разнообразием.

На 1 января 2017 г. в Волгоградской области была зарегистрировано 417 религиозных организаций 20 религиозных направлений. Подробные данные о численности религиозных организаций в регионе представлены в таблице 1:

Таблица 1. **Число религиозных организаций, зарегистрированных в Волгоградской области**

№	Религиозные организации	01.01.2017
1.	Русская православная церковь	268
2.	Старообрядцы	11
3.	Римско — католическая церковь	5
4.	Ислам	43
5.	Буддизм	2
6.	Иудаизм ортодоксальный	4
7.	Иудаизм современный	0
8.	Евангельские христиане — баптисты	19
9.	Христиане веры Евангельской	8
10.	Евангельские христиане	16

¹ Численность населения Волгоградской области / Федеральная служба государственной статистики по Волгоградской области (Росстат) [Электронный ресурс]. URL: http://volgastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/volgastat/resources/8d6dfd8044d6d0fb9b6ebfde4cdebdf4/Численность_190318.htm (дата обращения: 23.03.2018).

№	Религиозные организации	01.01.2017
11.	Христиане веры евангельской — пятидесятники	9
12.	Адвентисты седьмого дня	15
13.	Лютеране	4
14.	Методистская церковь	1
15.	Пресвитерианская церковь	3
16.	Свидетели Иеговы	0
17.	Иные вероисповедания	9
ИТОГО:		417

Примечание. По данным Управления Министерства Юстиции Российской Федерации по Волгоградской области на 1 января 2017 г.)²

Исследование «Религиозная ситуация в Волгоградской области» организовано группой социологов Волгоградского государственного университета (О. И. Сгибнева, Т. А. Фолиева, Е. О. Беликова) и было нацелено на изучение динамики религиозности в регионе. Основным методом сбора эмпирической информации выступал массовый анкетный опрос, проводимый по случайной вероятностной выборке. В выборку вошли респонденты от 18 до 80 лет. Анкетирование было проведено в каждом из восьми региональных округов Волгоградской области по репрезентативной выборке (N=800), в каждом из восьми районов Волгограда (N=800) и в г. Волжском (N=240). Максимальная статистическая погрешность 2,45%, при доверительном уровне 0,95. Периодичность опросов — раз в четыре года (2005, 2009, 2013), они охватывали городское и сельское население области. В таблице 2 представлена общая численность респондентов, они распределены по территориальному признаку: сельское население, городское население и жители крупных областных центров (Волжский и Камышин).

Таблица 2. **Численность респондентов, участвовавших в анкетировании (2005—2013 гг.)**

	2005*	2009	2013**
Городское население (Волгоград)	800	650	400
Волжский и Камышин	240	180	120
Сельское население	800	650	400
Итого:	1840	1480	920

* Основы выборки составили данные Всероссийской переписи населения РФ 2002 г. по численности половозрастного, национального состава населения в городских и сельских поселениях.

** Изменение выборки исходя из переписи населения 2010 г.

² Число религиозных организаций Волгоградской области / Федеральная служба государственной статистики по Волгоградской области (Росстат) [Электронный ресурс]. URL: http://volgastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/volgastat/resources/e47eb280431cff84b485fd6ab3b46521/Число+религиозных+организаций_261017.htm (дата обращения: 23.03.2018).

Кроме прочего, в задачи исследования входило также выявление уровня религиозности, или степени религиозной вовлеченности населения. Анкета состояла из нескольких блоков вопросов, один из которых касался постановки проблемы религиозной идентичности и самоидентификации (18 вопросов) как основных критериев определения религиозности.

Ответы на вопрос «считаете ли Вы себя верующим?» выстраивались по шкале «верующий — колеблющийся — неверующий — атеист». Основным методологическим принципом стало деление респондентов на несколько групп:

- а) верующие;
- б) колеблющиеся между верой и неверием, затрудняющиеся ответить;
- в) неверующие;
- г) атеисты.

На этом этапе главным критерием выступила самоидентификация респондентов. В соответствии с наличием или отсутствием у респондентов веры в существование сверхъестественных сил были получены две типовые группы — «верующие» и «неверующие». Далее, ориентируясь на аффилиацию респондента с конкретной религиозной общностью или отсутствием таковой первая группа была разделена на две подгруппы — религиозных и нерелигиозных.

В большинстве социологических исследований по данной теме группу респондентов, условно обозначаемых как «колеблющиеся», по умолчанию относят к «неверующим». На мой взгляд, это не вполне корректно. У данной группы есть религиозные представления — они не отрицают наличие веры. Их следует квалифицировать в качестве «группы сомневающихся», у которых присутствует незавершенность религиозного выбора. Мне представляется, что здесь следует говорить о промежуточном состоянии мировоззренческого выбора — неопределенность в оценке религиозной веры и своего к ней отношения. В таблице 3 представлено распределение ответов респондентов на вопрос «считаете ли Вы себя верующим человеком?»

Таблица 3. **Религиозная самоидентификация**

Q8. Считаете ли Вы себя верующим человеком?	
1. Да, верующий	48,3%
2. Колеблющимся между верой и неверием	20,2%
3. Нет, неверующий	5,9%
4. Атеист	25,7%
5. Затрудняюсь ответить, отказ	1,9%

Так, на вопрос о том, считают ли они себя верующими людьми, большинство (48,3%) в той или иной степени ответили утвердительно. Около одной пятой опрошенных (20,2%) определили себя как «колеблющиеся между верой и неверием». Вероятно, определение религиозности ассоциируется у респондентов с определенным набором установок, таких как регулярное посещение храма,

чение молитв, соблюдение постов. К атеистам себя отнесли 25,7 % опрошенных. Затруднились с ответом 1,9 % опрошенных. В исследовании были сознательно разведены ответы «колеблющийся между верой и неверием» и «затрудняюсь ответить, отказ». На мой взгляд, в первом случае респондент обладает знаниями о религиозных учениях, задумывался над своим самоопределением, но не принял окончательного решения. Во втором же случае перед респондентами вообще не стоял вопрос о религиозной самоидентификации.

В качестве методического коррелята нашей методологической инновации было отнесение колеблющихся к группе «верующие». Результаты ответов на поставленный вопрос приведены в таблице 4.

Таблица 4. *Религиозная самоидентификация (2005—2013)*

	2005	2009	2013
Неверующие	23,2%	27,9%	31,2%
Верующие	76,8%	72,1%	68,8%

К группе «верующие» мы отнесли тех, кто однозначно назвал себя верующим (см. табл. 2), а к «неверующим» — атеистов, колеблющихся, тех, кто однозначно определил себя как неверующий, и затруднившихся ответить.

Исходя из данных таблицы 4, можно говорить о незначительном снижении доли верующих респондентов по отношению к неверующим. Однако это скорее отображает погрешности выборки, нежели является устойчивой тенденцией.

Далее были сформулированы два отдельных блока вопросов, адресуемых двум отдельным подгруппам: тем, кто идентифицирует себя как верующие, и тем, кто позиционирует себя как неверующие.

Ответившим утвердительно на вопрос «Считаете ли Вы себя верующим человеком?» был задан открытый вопрос: «К какому вероисповеданию Вы себя относите?» В таблице 5 помещены самые распространенные ответы. Структура религиозной принадлежности респондентов представлена следующим образом.

Таблица 5. *Конфессиональная самоидентификация верующих*

	Волгоградская область	Волгоград и г. Волжский
Православие	51,1%	58,9%
Христианство	36,5%	34,4%
Ислам	6,1%	3,4%
Свидетели Иеговы	1,1%	0,2%
Старообрядчество	0,6%	0,4%
Лютеранская церковь	0,2%	-
Православие и ислам	0,2%	-
Иудейская религия	0,2%	0,2%
Коммунист	0,2%	0,2%

	Волгоградская область	Волгоград и г. Волжский
Вера в Абсолютного Единого Бога	0,2%	0,3%
Григорианское христианство	0,2%	-
Христианство Веры Евангельской	0,2%	0,2%
Христианство, но попам не верю	0,2%	-
Язычество	0,1%	-
Католицизм	0,1%	0,2%
Буддизм	-	0,3%
Затрудняюсь ответить, отказ	2,9%	0,2%

Данные таблицы 5 показывают, что самая большая группа верующих респондентов относит себя к православию. На втором месте по популярности ответ «христианство». Еще раз подчеркнем, что это был открытый вопрос и ответы сформулированы самими респондентами. Именно поэтому в таблице «христианство», «православие», «Лютеранская церковь», «католицизм» стоят на разных строчках, что позволяет говорить в этом случае о номинальной, культурно обусловленной религиозности: «я христианин, как все русские, но не могу назвать более конкретное течение». На третьем месте по популярности ответы тех респондентов, которые связывают свои мировоззренческие позиции с исламом. К остальные религиозные объединения упомянули от 0,1 до 0,4 % респондентов, что свидетельствует о небольшом распространении данных религиозных объединений на территории Волгоградской области. Данные тенденции прослеживаются как в Волгограде, так и в крупных областных центрах и сельских поселениях.

Такие ответы респондентов, как «православие и ислам», «коммунист», «православие, но попам не верю», отражают, насколько показатель религиозной самоидентификации недостаточен для того, чтобы считать человека религиозным. На мой взгляд, необходимо разработать дополнительные критерии, связанные, например, с религиозной практикой. В анкету был добавлен еще один вопрос-фильтр: «Верите ли Вы в Бога или сверхъестественные силы?» Варианты ответов были предложены следующие:

1. Верю в Бога.
2. Верю в Бога и в существование другой сверхъестественной силы.
3. Верю не в Бога, а в другие сверхъестественные или мистические силы.
4. Допускаю существование Бога или некой сверхъестественной силы, но не убежден в этом.
5. Не верю в Бога и в иные силы.
6. Затрудняюсь ответить, отказ.

Большинство исследователей при определении мировоззренческой самоидентификации, как правило, включают в один вопрос религиозную и конфессиональную самоидентификации. Респонденту предлагают выбрать один или несколько ответов. Именно поэтому в ответах на такой вопрос о самоидентификации групп населения по отношению к религии часто встречаются совершенно несовместимые мировоззренческие установки. В отчетах окажутся смешаны воедино неве-

рующей и православный, мусульмане и представители ответов по типу «верю в существование сверхъестественной силы, но не принадлежу ни к одной из церквей».

Разведение такого рода респондентов потребовало формулирования двух отдельных вопросов. А это, в свою очередь, позволило уточнить показатели самоидентификации респондентов. Похожие тенденции просматриваются и во всероссийских исследованиях. Их данные позволяют говорить, что большинство россиян обладают религиозным сознанием. По данным ИС РАН, религиозно-мировоззренческие группы россиян в период с 2014 по 2016 годы выглядят следующим образом: 66—69% исповедуют православие; 4—6% — ислам; 1—2% являются сторонниками иных вероисповеданий и 10—13% назвали себя атеистами; 6—9% внеконфессиональные верующие; [Российское общество..., 2017: 292]. В то же время доля идентифицирующих себя как верующих составила 68—71% и 5—8% затруднились в религиозном самоопределении. Ставя вопрос о необходимости в социологических опросах замерять самоидентификацию, о ненадежности построения типологических групп на основании частного показателя, полагаю, что религиозное и конфессиональное самоопределение является первичным показателем наличия религиозности.

Действительно, не все респонденты имеют научные знания о содержании понятий, на основании которых они оценивают свое отношение к религии. Некоторые сознательно искажают самооценку по социальным или психологическим причинам, например, быть верующим модно или наоборот — боязнь каких-либо притеснений со стороны родственников или сослуживцев приводит к тому, что респондент скрывает свое отношение к религии. Часто в интервью прослеживается отождествление конфессиональной и национальной принадлежностей.

Проведенный нами анкетный опрос выявил группы респондентов, которые посещают религиозные праздники. Например, жители Палласовского района Волгоградской области отмечают и лютеранские, и исламские праздники, имеют глубокие познания обрядовой деятельности, но не считают себя верующими или заявляют об отсутствии конфессиональной самоидентификации. На мой взгляд, «самоидентификация» выступает как своеобразное «сито», с помощью которого можно на начальном этапе типологизировать всех респондентов.

Уровень религиозности, определяемый по самооценке респондентов, всегда ниже, чем при применении системы показателей. В силу этого на втором этапе использования инструментария необходимо переходить к изучению показателей уровня и степени религиозности через выявление критериев религиозности для каждого отдельно взятого вероисповедания. В этом случае тоже можно столкнуться с рядом методологических трудностей. Так, например, в проведенном мной исследовании в инструментарии был представлен различный набор эмпирических референтов, отражающих специфику каждой конфессии.

Опыт применения качественной стратегии

Наш фокус на углубленное изучение религиозного поведения и религиозного сознания потребовал обращения к ресурсу качественных методов. В 2013 г. мною было инициировано исследование сочетания религиозного и национального компонентов идентичности в смешанных семьях. Выборка была отстроена по сле-

дующим критериям: в качестве респондентов выступили семьи, в которых супруги идентифицировали себя до свадьбы с разными религиозными и национальными группами, проживают совместно в браке не менее пяти лет. В настоящий момент опрошено 16 семей (31 человек).

На мой взгляд, основными показателями многомерности религиозности могут быть самоидентификация, религиозная практика и знание религиозных доктрин. Интеграция религиозности в повседневную жизнь и интенсивность ее влияния в этой сфере тоже являются показателем «степени религиозности». Среди прочих первоначальными гипотезами исследования были поставлены: 1) в смешанные браки вступают люди с крайне слабой степенью религиозности; 2) в процессе совместного проживания супруги (или один из них) теряют религиозную идентификацию; 3) степень религиозной толерантности детей, рожденных в таких браках, выше.

Исследование проводилось с преимущественным использованием биографического метода (лейтмотивное интервью). Этот метод представляет собой опрос респондентов, как правило, из одной сферы деятельности или связанных одним аспектом жизнедеятельности. Данный вид интервью позволяет сразу перейти к интересующей теме, без временных потерь из-за отвлечений на другие темы жизненного описания. Гайд составлялся в соответствии с хронологически-последовательным развитием, вопросник формировался по ключевым событиям семейной жизни, таким как знакомство, свадьба, рождение детей. Однако это была не подробно разработанная анкета, а скорее лист-подсказка для интервьюера на несколько тем, которые, если опрашиваемый не выйдет на них сам, должны быть затронуты в интервью. Вернер Фукс-Хайнриц подробно разбирает преимущества лейтмотивного биографического интервью. Он отмечает возможность сравнивать те места в текстах транскриптов, в которых были заданы одинаковые вопросы из «лейтмотива», и быстрее оценивать, «поскольку вопросы лейтмотива содержат минимум важных тем, от которых исследователю нельзя отказаться [Биографический метод в социологии..., 1994: 19]. Этот метод ориентирует разговор на отслеживание динамики одного и того же аспекта жизнедеятельности индивида на протяжении его биографического пути. Например, если в фокусе изучения отношения между супругами на разных стадиях их совместной жизни, то в процессе беседы при переходе к каждому следующему периоду жизненной истории акцент необходимо делать именно на этот аспект и задавать дополнительные вопросы, касающиеся изменений в отношениях между супругами.

Биографический метод используется в исследованиях групп, которые либо по роду занятий, из-за особенностей образа жизни, либо по причинам социокультурной чужеродности оказываются закрытыми для исследователя, распространен в социологии семьи, где изучают взаимоотношения поколений в основном как канал передачи социального опыта, типов семейной культуры, выявляя общие закономерности. А также при изучении религиозности, когда исследователя интересуют отклонения, специфика проявления феноменов в определенных ситуациях [Семенова, 1998: 47—49]. Такими, на мой взгляд, часто выступают как религиозные, так и этнические группы.

Использование данного метода для изучения религиозной идентификации супругов в смешанных браках показал ряд преимуществ — например, он помогает

проследить механизм смены религии одного из супругов, выявить причинно-следственную связь в изменении взаимоотношений между супругами и их родственниками, друзьями после заключения брака с «иноверцем». С другой стороны, этот метод вызывает и целый ряд трудностей на всех этапах — от подготовительных шагов до интерпретации данных и представления их в отчетном документе. Согласно процедуре интервью, первая стадия — это поиск респондентов, отвечающих критериям выборки. Казалось бы, семьи можно сразу идентифицировать по национальному признаку. Однако в реальности искомый национальный и религиозный компоненты идентичности, заявленные в выборке, не совпадали. Так, разная национальность супругов не означала автоматически принадлежность к разным религиям. Гораздо чаще оба супруга склонялись скорее к атеизму или неверию. Это поставило проблему поиска «привратников», «посредников» (тех, кто открывает доступ к информантам) и «информантов», тех, в чьем окружении, среди знакомых есть семьи, подходящие под критерии выборки и кто сможет посодействовать в организации интервью. Чаще всего это сами респонденты, которые общаются с такими же семьями, например, русские православные жены, посещающие совместно воскресные службы. Ангажирование таких участников на первой стадии исследования зачастую становится залогом последующего успешного прохождения второй стадии — самого интервью [Островская Е. А., 2016: 114].

В контексте нашего исследования обнаружение «привратника» и информатора позволило изначально избежать ситуаций, когда респондент не желает делиться семейной информацией с интервьюером. В перспективе установления доверительного контекста общения между интервьюером и респондентами мною была создана методическая инновация — поиск «протекции». Заручившись поддержкой близкого для семьи человека («привратника»), необходимо также продумать, как объяснить респондентам цель исследования, гарантировать полную анонимность ответов [Островская, 2016: 113]. Опыт показал, что в этой ситуации исследователь сам должен быть максимально открыт взаимодействию и даже ожидать встречных вопросов от респондентов. Вторжение незнакомца во внутрисемейные пространства также ставит такую проблему, как отказ от участия в исследовании.

Следующая трудность — проблематичность и даже непригодность некоторых вопросов гайда — обнаружилась благодаря лейтмотивной фокусировке биографического интервью. Первый вариант гайда был прописан на основании анализа анкеты массового опроса 2005—2013 гг., о котором говорилось выше. После его апробации в поле я вынуждена была внести изменения: он стал длиннее, некоторые вопросы были добавлены, а некоторые убраны совсем.

В настоящее время гайд состоит из блоков, которые затрагивали темы религиозной и национальной идентичности до вступления в брак, влияние их религиозности и религиозной идентичности на взаимоотношения между супругами после свадьбы, рождение и воспитание детей, отношения с родственниками. Соответственно ставились две отправные точки (заключение брака и рождение детей), делившие жизнеописание на три этапа. В первом этапе отчетливо прослеживается формирование религиозной идентичности, влияние религиозной культуры на мировоззренческие позиции и то, что послужило причиной заключения такого брака. На втором этапе интересен материал о религиозных практиках

супругов, влиянии религиозности на повседневную жизнь и отношении окружающих к такому браку. Третий этап посвящен воспитанию детей, приобщению к той или иной религиозной традиции, в этот же период больше всего вероятность смены религии супругом. Вопросы социально-демографического характера идут отдельно в виде таблицы. Гайд часто выручает и позволяет не уходить от основной темы исследования в рамках биографического интервью. Респонденты часто с настороженностью относятся к теме исследования, неохотно рассказывают или стараются перейти к воспоминаниям о приятных моментах совместно прожитой жизни, не касающимся темы исследования.

Отдельную тему составляет обсуждение проблемы лаконичных ответов или отказов отвечать на вопросы. Сюда же следует отнести и внезапные отказы респондентов продолжать рассказ.

Моей принципиальной инновацией в проведении исследования стал метод парного интервью. В обоснование метода был положен тезис, что супруги в своих ответах будут дополнять друг друга, вспоминать совместно пережитые эмоции и им будет легче выдавать информацию. Однако, иногда при использовании данного метода мы сталкиваемся с тем, что один респондент подстраивается под мнение другого, или лидерство при ответах принимает на себя один респондент, а другой старается отмолчаться или просто соглашался с мнением супруга. Иногда «ведущий» респондент ждет одобрения ответов партнера. Дискуссии возникали крайне редко. При таком методе вероятность «неправдивых» ответов респондентов возрастает, невольно каждый из участников диалога начинает подстраиваться под другого, возникает нежелание обидеть своего партнера или не выносить «сор из избы». А совместные эмоциональные переживания «помогают» респонденту уводить исследование от его первоначального замысла.

Пока сложно говорить об окончательных выводах данного исследования, оно продолжается. Однако мы можем отметить, что чем дольше живут партнеры в таком браке, тем больше вероятность потери религиозной идентичности одного из них. Среди факторов, влияющих на смену религии, стоит назвать близость взаимоотношений с родственниками, территорию проживания, степень религиозности до вступления в брак и то, насколько счастливым в этом браке чувствует себя человек. Рано или поздно в таких семьях встает вопрос о приобщении детей к той или иной религиозной культуре. «Смешанность» этих браков является для них дополнительной проверкой на прочность. Все респонденты указывают на то, что сталкиваются с проявлениями религиозности своих партнеров в повседневной жизни, часто относятся к ним негативно. Многие выражают надежду на то, «что супруг изменит свои религиозные взгляды со временем, потому что увидит истинность моих».

Подводя итог моему рассмотрению, отмечу еще раз его узловые пункты и выводы. Во-первых, в текущем состоянии социологического изучения религиозности, религиозной идентичности и т. п. не создано универсальной стратегии для изучения религиозности. И проблема мне видится не только в отсутствии теоретико-методологического подхода, но и в тех ошибочных вопросах на глазок, которые осознанно допускаются на уровне массовых опросов. В этом мне довелось убедиться на опыте собственного участия в опросе такого рода.

Во-вторых, для получения достоверных данных необходимы масштаб исследования и его глубина. Кроме определения понятий, единого понимания их в профессиональной среде социологов необходимо выработать общую методологию исследования таких критериев религиозности, как религиозная идентичность, деятельность и сознание. Это поможет в числе прочего проводить сравнительный анализ данных в различных регионах по единой методике.

Отдельной темой для методологических дискуссий должен стать, на мой взгляд, такой объект, как этноконфессиональные особенности религиозной идентичности. И здесь необходимо фокусироваться на обсуждении конкретных методов качественной стратегии исследования, на опыте минимизации ошибок и неудач, обмениваться конкретными методическими инновациями.

Список литературы (References)

Биографический метод в социологии: история, методология и практика / под ред. Е. Ю. Мещеркина, В. В. Семенова. М.: Институт социологии РАН, 1994.

Biographical method in sociology: history, methodology and practice (1994). Ed. by Meshcherkina E. Y., Semenova V. V. Moscow: The Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISRAS). (In Russ.)

Островская Е. А. Религиозное «еврейство»: опыт биографического нарратива в закрытой группе // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 110—118.
Ostrovskaya E. A. (2016) Religious «Jewry»: experience of a biographical narrative in a closed group. Sotsiologicheskiye issledovaniya. No. 2. P. 110—118. (In Russ.)

Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М. К. Горшков и др. под ред. Горшкова М. К., Петухова В. В. ; Институт социологии РАН. М. : Весь Мир, 2017. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Ross_obschestvo_5.pdf (дата обращения: 23.03.2018).

Russian society and the challenges of time. The first book. (2017) Ed. by Gorshkov M. K. Petukhov V. V. The Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISRAS). Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)

Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию: Учеб. пособие для студентов вузов / Институт социологии РАН. М. : Добросвет, 1998.
Semenova V. V. (1998) Qualitative methods: introduction to humanistic sociology: Textbook for university students. The Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISRAS). Moscow: Dobrosvet. (In Russ.)